

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — ЦЕНЗОР НЕКРАСОВА

Публикация В. Нечаевой

В 1856—1858 гг. кн. П. А. Вяземский занимал пост товарища министра народного просвещения. Тем самым, вместе с министром (им был в эту пору А. С. Норов) — официальным главою цензурного ведомства — Вяземский осуществлял в эти годы высшее руководство цензурной политикой самодержавия. С 1857 г. он состоял, сверх того, членом Главного управления цензуры. В личном архиве Вяземского сохранилось довольно много документов, относящихся к этой сфере его служебной деятельности. Публикуемые ниже два из этих документов касаются Некрасова. Они интересны и для характеристики отношения к поэзии Некрасова правительственных кругов второй половины 1850-х годов и для характеристики самого Вяземского.

Время, когда Вяземский в 1820-х гг. бичевал в своих эпиграммах Бирюковых и Красовских и подавал в официальные инстанции язвительные жалобы на цензуру, его преследовавшую, осталось далеко позади. Завершенность эволюции Вяземского от либеральных увлечений молодости к идеологии реакции и охранительства зафиксировал еще в 1847 г. Белинский, назвав Вяземского в своем зальцбруннском письме к Гоголю «князем в аристократии и холопом в литературе». Став товарищем министра народного просвещения, Вяземский не только формально возглавил деятельность современных ему Бирюковых, но очень энергично выступил как принципиальный защитник самых суровых мер против проникновения в печать ненавистной ему идеологии революционной демократии.

Первый публикуемый документ связан с выходом в свет в 1856 г. знаменитого собрания «Стихотворений Н. Некрасова» (изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина). Решение на выпуск книги было дано цензором С.-Петербургского цензурного комитета В. Н. Бекетовым 14 мая, но фактически книга вышла из печати лишь в октябре 1856 г. Огромный успех книги у читателей сразу же привлек к ней пристальное внимание властей. Около 10 ноября министр Норов приказал своему чиновнику особых поручений Волкову «разобрать» книгу. Приказание было выполнено, и 14 ноября Волков представил министру свой обширнейший рапорт¹. Он был передан на заключение Вяземскому. Последний подготовил, от имени министра Норова, проект отношения, адресованного исправляющему должность попечителя С.-Петербургского учебного округа графу М. Н. Мусину-Пушкину, бывшему в то же время председателем Цензурного комитета, и в этом качестве непосредственно ответственному за выдачу разрешения на издание книги стихотворений Некрасова.

В своем проекте Вяземский предлагал поставить на вид Мусину-Пушкину, как «важное упущение», разрешение к печати книги Некрасова. Указывая на ее боевую направленность, он в таких словах формулировал политическое значение некрасовской поэзии: Некрасов, по его мнению, осмеивает «коренное устройство общества», стремится вызвать борьбу между «бедными» и «зажиточными» сословиями и воспекает те жертвы и опасности, «которые угрожают гражданину, когда он восстает против существующего порядка и готов пролить кровь свою в междуусобной борьбе или под карою закона». В поэзии Некрасова Вяземский ощутил «дикие отголоски» идей французской революции 1789 и 1848 гг. и литературы, которая «была плодом прежних политических и общественных смут во Франции и вместе с тем зародышем и задатком новых».

Мысли, высказанные в «проекте», обнаруживают в авторе далеко не рядового ретрограда, а умного и непримиримого идейного врага русской революционной демократии.

Текст «проекта» написан на четырех листах, рукой неустановленного лица, вероятно, под диктовку Вяземского, который собственноручно его исправил, частично чернилами, частично карандашом. Рукою же Вяземского, карандашом, написан с сокращением слов заголовок бумаги — указание на ее адресата.

На третьей странице, на полях, рукою Вяземского сделано следующее примечание, приписанное позднее: «Так в ход не пошло, а сделано мною извлечение». Это указание Вяземского интересно сопоставить с тем фактом, что «проект» его, не пойдя в ход официально, все же получил известность в полном виде и, очевидно, имел значение директивы. В опубликованном Н. Ф. Бельчиковым деле «О непечатавании стихотворений Н. Некрасова» из фонда канцелярии Московского военного генерал-губернатора по секретной части за 1856 г. № 2 находится копия «проекта» Вяземского, без даты, номера, обращения и подписи. Текст копии совершенно совпадает с текстом проекта, исправленным рукою Вяземского².

«Извлечение», сделанное из «проекта» Вяземского, нам также известно. Это — отношение министра народного просвещения, направленное 15 ноября председателю Цензурного комитета и содержащее в своем тексте ряд абзацев и выражений, взятых из «проекта» Вяземского. В него вошли и все цитаты, подобранные Вяземским для обвинения «вредного» направления поэзии Некрасова. Однако отношение значительно короче «проекта» и не содержит тех резких формулировок политических взглядов Некрасова, которые имеются в «проекте»³.

Результатом этого отношения, а также волнений в высших административных кругах в связи с выходом книги Некрасова был ряд суровых мер, направленных против виновников этих цензурных ущемлений, и издание секретного циркуляра министерства внутренних дел от 19 декабря 1856 г.⁴

Бумага, составленная Вяземским, приобрела настолько широкую огласку, что почти через год Герцен счел своевременным поместить в «Колоколе» (1 августа 1857 г., № 2) «Письмо из Петербурга», в котором говорилось:

«Аристократическая сволочь нашла в книжке <Некрасова> какие-то революционные возгласы, чуть не призыв к оружию. Русское правительство, изволите видеть, боится стихов:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Это сочли чуть не адской машиной и снова дали волю цензурной орде с ее баскаками. Какое жалкое ребячество!»

Приводим текст записки Вяземского, которую следует датировать серединой ноября 1856 г.

<1>

ПРОЕКТ

*Г<осподину> испр<авляющему> должность поп<ечителя>
С.-Пет<ербургского> учебного округа*

С разрешения цензора С.-Петербургского комитета, статского советника Бекетова, напечатана ныне в Москве книга «Стихотворения Н. Некрасова». Многие из этих стихотворений, особенно если рассматривать их в последовательном порядке и в совокупности, обнаруживают предосудительное направление мыслей автора, которое не могло не отозваться и в самом деле отозвалось, судя по многим указаниям, в общественном мнении и возбудило удивление и неблагоприятные толки. Выбор содержания, форма и выражение, в которые облечены сочувствия и мысли автора, не позволяют причислить этих стихотворений к разряду литературной сатиры, которая задевает заблуждения и погрешности общества и предаёт их осмеянию или добросовестной укоризне. Это

более грубый, озлобленный и раздражающий, политический стихотворный памфлет на целое коренное устройство общества и на такие стороны общественного быта, которые в существующем и законном нашем государственном порядке не подлежат литературному обсуждению, а особенно с тою резкостью и цинизмом выражений, какими запечатлены многие стихи. Тут [всегда] явно или в самых прозрачных намеках лица, принадлежащие к высшему и зажиточному сословию, предаются грубому порицанию и приносятся на жертву сословию бедному и [нищему] низшему: это, так сказать, вызов к борьбе между различными сторонами общества, возбуждение страстей, неудовольствия и волнения в тех, которые по рождению своему, по обстоятельствам и по общему порядку, везде и во всех государствах существующему, остаются в некоторых пределах гражданского разделения сословий. Стихотворения г. Некрасова, хотя и писаны в форме простонародной, но на деле совершенно чужды русскому духу: в них нет ни теплого чувства любви, ни доброжелательства, а есть одно сухое и холодное ожесточение и язвительное порицание. Они не что иное, как дикие отголоски чуждого нам направления и особенно той французской литературы, которая свирепствовала в течение многих лет и была плодом прежних политических и общественных смут во Франции и вместе с тем зародышем и задатком новых, которых были мы свидетелями. Но теперь и там эта литература пережила свое время и уступила место другой литературе, более стройной и благоразумной в своих началах и в своих явлениях. Подражание задним числом этой литературе, уже отжившей, и перенесение ее на нашу почву, есть, во всяком случае, дело безумия, если не злонамеренности. Ни в том, ни в другом отношении цензура не должна ей потворствовать и прикрывать уклонения ее своим снисходительным или бессознательным разрешением. От цензуры, конечно, не требуется, чтобы она везде и всегда усиливалась отыскивать предосудительный смысл, или во всех общих выражениях приискивала предосудительное и обвинительное применение [укорений] к существующему порядку; но между тем цензура должна быть предусмотрительна, проницательна и догадлива. Например, в стихотворении «Гражданин и поэт», если не явно, и не буквально выражены мысли и желания предосудительные, то стихи, каковы, между прочим, следующие, не могут казаться даже и двумя смыслами:

В ночи, которую теперь
 Мир доживает бояливо,
 Когда свободно рыскал зверь,
 А человек бродил пугливо, —
 Ты твердо светоч свой держал;
 Но небу было неугодно,
 Чтоб он под бурей запылал,
 Путь освещая всенародно.

 Иди в огонь за честь отчины,
 За убежденье, за любовь...
 Иди и гибни безупречно,
 Умрешь недаром: дело прочно,
 Когда под ним струится кровь⁵.

И по всему ходу стихотворения и по самым выражениям выписанных здесь мест явствует, что тут идет речь не о нравственной борьбе, а о политической; что здесь говорится не о тех жертвах, которые каждый гражданин обязан принести отечеству, а говорится о тех жертвах и опасностях, которые угрожают гражданину, когда он восстает против

существующего порядка и готов пролить кровь свою в междуусобной борьбе или под карою закона.

Между тем в сочинениях г. Некрасова встречаются такие стихотворения и такие стихи, над которыми не нужно и призадуматься, чтобы определить и оценить их точное значение. Стоит только их прочесть, чтобы убедиться, что допускать их до печати не следовало. Таково, между прочим, стихотворение «Колыбельная песня», которое уже подвергало цензора выговору за его напечатание в первый раз и, следовательно, не должно было быть перепечатано без особого разрешения высшего начальства⁶. Сюда относятся III строфа стихотворения «Н р а в с т в е н н ы й ч е л о в е к»⁷ или стихи:

Есть русских множество семей,
Они как будто добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребра⁸.

Или:

И вряд ли мужиков трактуют как свиней⁹.

Не исчисляя все подобные места, встречающиеся в сей книге, довольно и приведенных здесь, чтобы определить значение и цель собрания сих стихотворений.

Считая долгом сообщить Вашему сиятельству о всем вышеизложенном, присовокупляю, что цензор с<татский> с<оветник> Бекетов, сделавший такое важное упущение, при одобрении к печати сей книги, к тому еще, выписок из них в «Современнике»¹⁰, как будто на [показ] образец, оказывается цензором не благонадежным и подлежал бы увольнению от сей должности. Но как В<аш>е с<иятельст>во, зная ближе способности г. Бекетова, находите возможным оказать ему, на этот только раз, снисхождение, то я соглашаюсь на это не иначе, как при полном Вашем ручательстве за его действия на будущее время¹¹. Но, вместе с тем, прошу Вас сделать ему за настоящее упущение строжайший выговор, в присутствии комитета, и устранить его от ценсированья «Современника», поручив рассмотрение одного другому цензору¹².

При сем нужным нахожу просить Вас, м<илостивы>й г<осуда>рь, сделать ценсорам надлежащее наставление в строгом исполнении их обязанностей и руководить их в сомнительных случаях. Я уверен, что при просвещенном внимании Вашем к действиям С.-Петербургского ценс<урно>го комитета, будут устранены на будущее время послабления и промахи, подобные настоящему.

Редактору журнала «Современник» кол<лежскому> секр<етарю> Панаеву я лично¹³ сделал строжайший выговор за неуместное и неприличное перепечатание стихотворений г. Некрасова в «Современнике», с объявлением, что издаваемый им журнал при первом подобном случае будет прекращен.

<ЦГЛА — Ф. 195 («Остафьевский архив кн. Вяземских»). На л. 1, как заголовок, рукою П. П. Вяземского написано: «Некрасов. Бекетов. Вяземский. Цензура»>.

Второй публикуемый документ тесно связан по содержанию с первым и является его логическим следствием.

После секретных циркуляров каждая новая строчка Некрасова привлекала к себе сугубое внимание и вызывала подозрения цензуры. В 9-й книге «Современника» за 1857 г. Некрасов напечатал стихотворение «Тишина». Так как в нем трудно было усмотреть призыв «к оружию» и к «борьбе сословий», цензура старалась изощряться в мелких придирках к отдельным словам и выражениям. Хотя цензурное разрешение на всю девятую книжку журнала было получено 31 августа, но вопрос об исправлении текста стихотворения Некрасова продолжал разрешаться еще в первых числах сентября.

Цензор «Современника» П. М. Новосильский, не решаясь взять на себя ответственность, 6 сентября обратился за указаниями к Вяземскому:

⟨2⟩

⟨РАПОРТ: ЦЕНЗОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМИТЕТА П. М. НОВОСИЛЬСКОГО ТОВАРИЩУ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ⟩

Честь имею представить на усмотрение Вашего сиятельства вновь исправленное г. Некрасовым стихотворение «Тишина». Автор ходатайствует: нельзя ли будет сохранить выражение военный поп; если же нельзя, то он полагает вовсе исключить замеченное карандашом место.

Имею честь испрашивать разрешение Вашего сиятельства, потому что 9-я книжка «Современника» должна сегодня выйти.

Новосильский

6 сентября
1857 г.

⟨ЦГЛА — Ф. 195 («Остафьевский архив кн. Вяземских»)...⟩

До нас дошли два текста объяснения Некрасова по поводу тех мест из его стихотворения «Тишина», которые вызвали возражения цензуры¹⁴. В более полном из них в защиту строки: «Военный поп, сложив ладони», — Некрасов писал: «Известно, что после войска самые страдательные лица в войне врач и поп, едва успевающие лечить и отпевать. Поэтому, упомянув о враче, я упомянул и о попе, служащем при войске, — в этом смысле употреблено прилагательное **в о е н н ы й**».

Вяземского, однако, не убедили объяснения Некрасова. Ознакомившись с рапортом Новосильского, Вяземский тут же на рапорте записал [следующие свои замечания, снабдив их в конце общей цензурской сентенцией.

⟨3⟩

⟨ЗАМЕЧАНИЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО ПО ПОВОДУ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ТИШИНА»⟩

Своей тоски неодолимой — этот стих может легко быть перетолкован, да и к тому же он не в согласии с близким стихом: и о б л е г ч е н н ы й у х о д и л; лучше изменить этот стих. С д у ш и о к о в ы — тоже следует заменить другими словами.

П ы л ь п р и б и т а с л е з а м и м а т е р е й — вся эта картина — преувеличенность и лучше будет исправить ее и в литературном и в моральном отношении¹⁵.

П р о к л я т ь е — выражение неуместное.

В о е н н ы й п о п — выражение неправильное и может возбудить возражение духовенства. Нет и быть не может ни **в о е н н ы х**, ни **г р а ж д а н с к и х** попов. Е с т ь п о л к о в о й п о п¹⁶.

С л о ж и в л а д о н и — тоже неуместно. Полковой священник и в мирное время несет свою службу. — Все это следует исправлению.

К сожалению, сам г. Некрасов предыдущими стихотворениями своими дал повод цензуре быть осмотрительнее и строже к нему как для собственного своего оберегательства, так и относительно его самого, потому что читатели в каждом несколько двусмысленном выражении будут искать и находить тайное и неблагонамеренное значение.

⟨ЦГЛА — Ф. 195 («Остафьевский архив кн. Вяземских»)...⟩.

Из пяти мест стихотворения, вызвавших возражение Вяземского, три все же вошли в текст «Современника» без изменений. Может быть, это обстоятельство явилось результатом личных объяснений Некрасова с Вяземским. Их свидание состоялось в первых числах сентября 1857 г. Вяземский отнесся к поэту довольно благосклонно. 10 сентября Некрасов писал И. С. Тургеневу: «Я был у Вяземского — он меня уверял, что 2-е издание моей книги будет позволено и что меня не будут притеснять. Посмотрим!» (Некрасов, V, 318—319).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Рапорт Волкова дважды уже воспроизводился в печати. См. В. Евгеньев-Максимов. В цензурных тисках. — «Книга и Революция», 1921, II; Он же. Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928 (в главе: «Цензурные воздействия на Некрасова как поэта»).

² «Красный Архив», 1922, I, 355—360. Копия ошибочно опубликована здесь как «Письмо М. Н. Мусина-Пушкина», а в комментариях указано, что это «отзыв, обращенный к тогдашнему тов. министра нар. просв. кн. П. А. Вяземскому». Ошибочность в указании и автора и адресата ясна из текста документа; он написан вышестоящим лицом к лицу подчиненному и именно к тому, кто непосредственно ведал цензорами. Таким лицом был М. Н. Мусин-Пушкин, начальником которого являлся товарищ министра—Вяземский. Указание на письмо М. Н. Мусина-Пушкина вошло и в «Летопись жизни и творчества Некрасова» (Н. Ашукин, 173).

³ Напечатано в кн.: М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, 1904, 312—313. — Взято из цензурных дел Министерства народного просвещения, хранящихся в ГПБ(Л.) — № 1, т. IV, 2201, 2210.

⁴ «Красный Архив», 1922, I, 358.

⁵ Цитата из стих. «Поэт и гражданин». Строки, набранные разрядкой, подчеркнуты Вяземским.

⁶ Стих. «Колыбельная песня. Подражание Лермонтову» было напечатано в «Петербургском сборнике» 1846 г. В феврале этого года граф С. С. Уваров предложил попечителю Петербургского учебного округа гр. Мусину-Пушкину объявить выговор цензору, пропустившему «Колыбельную песню».

⁷ Третья строфа из стих. «Нравственный человек» читается так:

Крестьянина я отдал в повара:
Он удался, хороший повар — счастье.
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристращье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекаль,
Отечески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла.
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

⁸ Цитата из стих. «Прекрасная партия».

⁹ Цитата из стих. «Отрывки из путевых записок графа Гаранского».

¹⁰ В «Совр.», 1856, XI, в отделе библиографии (1—12) было помещено сообщение о выходе из печати книги Некрасова и перепечатаны стихотворения: «Поэт и гражданин», «Забятая деревня», «Отрывок из путевых записок графа Гаранского». Заметка о выходе книги Некрасова принадлежит Н. Г. Чернышевскому.

¹¹ Цензор Бекетов был женат на племяннице гр. Мусина-Пушкина, чем и объясняется речь о снисхождении к нему и о ручательстве за него гр. Мусина-Пушкина.

¹² Бекетов был отстранен от цензурования «Совр.» 22 ноября 1856 г. Преемником его был назначен И. И. Лажеников.

¹³ И. И. Панаева вызывал к себе министр А. С. Норов. Проект, как указано, заготовлялся от его имени и должен был быть им подписан.

¹⁴ Более краткий текст напечатан в 1-м посмертном Собр. соч. Некрасова (1879, IV, 51): «Объяснение касательно стихов, признанных неудобными к печатанию, из стихотворения „Тишина“». Более полный текст напечатан в «Записках Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», № 6, 1940, 42—43, с черновика, хранящегося в Отделе рукописей.

¹⁵ Все три выражения, отмеченные Вяземским, остались в печатном тексте стихотворения.

¹⁶ «Проклятья» были заменены «процаньями». Строки о «военном попе» были Некрасовым выброшены в тексте «Современника» и восстановлены в позднейших изданиях.